

Журлан Султанбаев

ФОНАРЬ ВСЕХ ФОНАРЕЙ

* * *

Я надел черный чехол гитары,
Красной гитары Наварры,
Которая когда-то пела, кричала,
А потом умерла.

И вдруг я почувствовал боль в горле.
Это связки мои превращались в струны,
И я закричал от боли.
А потом вдруг запел на все Небо!

1986

* * *

Когда из людей вылетают сердца
И превращаются в красных птиц,
Люди падают замертво
Затылком или прямо ниц.

Над ними горькие песни поют,
А птицы к свободе летят!
В небе кружат, протяжно поют!
А вернуться уже не хотят.

1986

* * *

Едет и едет ночь с черными глазами,
Едет и едет на сером ишаке.
А следом за ней
по ревающим волнам океана
Плывет и плывет луна
на оранжевой змее.

А следом за ней, не спеша,
на цыпочках, сверкая,
Звезды идут и идут в черной вышине.
Идут и плывут они все
за зелеными огнями,
Что бабка Яга раздает
на летающей горе...

1986

* * *

Старый тополь тянется к звездам.
Шепот листьев – молитва слышна.
Умираю.
Прости, если можешь,
Дай последнюю каплю огня!

Небо вспыхнуло, ночь ослепла,
И взметнулась струя огня!
Умираю,
Прощайте звезды!
Умираю, простите меня!

1986

СТАРУХА-ЦЫГАНКА

Старуха-цыганка залезла на крышу,
К змее подошла, говорит:
– Отдай мне звезду!
Без нее я не вижу,
К кому и куда я иду.

– Тебе и не надо, – змея отвечала, –
Ложись в темноте и усни.
Ты видишь, какое повсюду молчанье,
Всё черно, не видно не зги.

– Отдай, говорю,
если смерти не хочешь!
Всё племя твоё прокляну!
Расколется небо и солнце растает!
Ты слышишь? Тебя я убью!

Змея промолчала, глаза не сверкнули,
Свернулась лишь только она.
Навстречу старухе из черного неба,
Пылая, летела звезда!

1986

* * *

*Памяти незабвенного
Данила Хармса*

Расскажу я такую историю.
Жил в гостинице местной Астория
Музыкантик по имени Мори.
Был, конечно, он так, ничего,
Если вычеркнуть морду его.
Да и сердцем людишек любил,
Между нами, хотя крокодил.
Вдруг мыслишка к нему приползла,
Не гениальна, но и не зла.
Ах, ну чтобы вот эдак сказать,
Чтобы крикнули: «Ах, твою мать!»
Ну и так он, и эдак он выл.
Исступленья у Бога просил.
Тот, конечно, добрейший старик,
Малых он обижать не привык.
Ну и выделил капельки две,
Что таились в его бороде.
Мори вынул большой граммофон,
От сортира провел телефон...
Как пошло, как пошло-то греметь!
Чтоб не вымолвить только...
Но недолго продлилось сие.
Ох, разгневался этот Ле Дье.
Продал ты мой божественный дар!
Превращу я тебя в писсуар!

1987

* * *

Растерзаешь меня понемногу
И откусишь мой правильный нос.
И глаза удивленные богу
На серебряный бросишь поднос.
И ладонями нежными туго
Из груди моей выдавишь вздох.
И приложишь ухо в надежде
Удивленно и спросишь: «Сдох?»
Вот тогда вдруг послышится что-то,
Еле слышное: «Кза, кза...»
Желтым парусом вздуется штора.
Наконец-то и к нам стрекоза!

* * *

Девушка с афишной рекламы,
Здрав голубые белки,
Тянет губы в улыбке жеманной,
Надевая на ноги чулки.

Я один перед нею – молча.
Точно так же слеп и глух.
Точно тот же оскал волчий.
Точно тот же продажный дух.

Шелестит ветер бумагой,
Разрывая лоскутья дыр.
Это я с расписной рекламы
Посылаю улыбки в мир.

1987

ПОЭМА (неоконченное)

Изучая фрейдистов теорию,
Здоровенный детина Матори
(Он не сын мировой революции)
Изрыгает из чресла поллюции.
Что ж, квадратное племя поэтов,
Мы узреем: достоевственно это?

– Нет! Нет! Нет!
Ну а что достоевственно в мире?
Ну хотя бы Дуэнде, по лире
Проводящий корявыми пальцами.
Их не знали феклушины пальцы.

Он ужаснее Люцефера.
 Перед ним открываются сферы.
 – Бред! На мыло и к черту Эзопа!
 Уничтожим тебя, Мизантропа.

– Да, я простой шизоид,
 Я космический сперматозоид.
 Я чернею. Дыра. Пантера.
 И сосу я молочную эру.
 Это льется и вьется глиста.
 И безбрежна, как сон кита.
 Да не обидится на заныку
 Золотая серьга калмыков!

* * *

Как уродливо, бледно и странно
 Над туманом повисла луна.
 А на скрюченном дне океана
 Задышается рыба-душа.
 И глядит неподвижно и тупо
 На свое отражение вдали,
 Что плывет неподвижно и мутно,
 Улыбаясь предсмертью Земли.

1987

ФОНАРЬ

По улице, черной и дикой,
 Цепочкой тоскливых огней
 Шло похоронное шествие
 Уличных Фонарей.

Туман не окутал горя.
 И ночь не задула огней.
 Они хоронили святого –
 Фонаря всех фонарей.

* * *

Господи!
 Спасибо тебе!
 Ты хорошенько трахнул меня
 По башке. Свет Твой
 Входит в меня и выходит
 Из меня совершенно свободно,
 Не задевая внутренних органов,
 И поэтому кишка моя осторожно
 Вылезет из меня и три раза
 Обернет земной шар.

8 апреля 1990

